

ЖИВЫЕ ПЕРЕХОДЫ

РЕННЕЛЬСКОЕ УРОЧИЩЕ · КНИГА ТРЕТЬЯ

ТАЙНИКОВСКИЙ

Тайниковский
Живые переходы

«Тайниковский»

2026

Тайниковский

Живые переходы / Тайниковский — «Тайниковский», 2026

Зоолог Артём Волошин умер, думая о накладной на кормовые смеси, и очнулся в теле молодого барона. Наследство: заповедник магических зверей, четыреста тридцать два золотых долга и двести восемьдесят шесть медяков в кармане. Плюс дракон, который размеры которого зависят от золота. Немного не свойственный для меня жанр, но как начал писать - не смог остановиться) Надеюсь вам понравится!

© Тайниковский, 2026

© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тайниковский

Живые переходы

Глава 1

Предписание привёз Марек Хольт девятого мая, и привёз он его лично, хотя мог послать с нарочным.

Я это отметил сразу.

За четыре года он приезжал ко мне одиннадцать раз, и десять из них — по квартальной проверке реестра. Одиннадцатый был в январе, к отцу.

Сейчас был двенадцатый, и в руках у него была не сумка с реестрами, а один сложенный лист.

— Барон, я вам сперва скажу словами, а потом дам бумагу.

— Настолько плохо?

— Не плохо, — не принял он. — Непривычно.

Мы сели в кабинете, и он изложил все что хотел за четверть часа.

Первое. В Королевстве шесть действующих переходов.

Это я знал от Веккеля.

Второе. При пяти из шести не ведётся никакого учёта живого.

Это я тоже подозревал.

Третье. За последние два года служба и палата изъяли у частных лиц двести с чем-то животных неместного происхождения.

Вот это было новостью.

— Магистр Хольт, откуда изъяли?

— Отовсюду, — доложил он. — У торговцев, у частных собраний, у балаганов. Барон, у нас в королевстве шесть живых переходов, и через все шесть что-нибудь да проносят.

— И где эти животные сейчас?

Марек помолчал.

— Вот об этом и предписание, — отозвался он.

* * *

Изъятые, как выяснилось, содержались в четырёх местах.

Первое — казённая псарня в столице, куда свозили всё, что похоже на собаку.

Второе — королевский зверинец, куда брали то, что красиво.

Третье — двор при таможенной части в Кальтене.

Четвёртое — «по усмотрению изымающего», и это означало, что животное оставляли у того, кто его отобрал.

— Магистр Хольт, а сколько из двухсот дожило?

Он открыл свою книжечку.

— По отчётам за два года — сорок одно.

Я сидел и считал.

Сто шестьдесят с чем-то из двухсот....

* * *

Предписание было на трёх листах, и суть в нём была на четырёх строках.

Реннельское Урочище с первого июня учреждается приёмным двором для животных неместного происхождения, изъятых на территории королевства.

Держателю вменяется: приём, выдержка по уставу, содержание, ведение записей.

Держателю выделяется: сорок золотых единовременно и по двенадцать в квартал на корма.

Держателю не выделяется ничего иного.

— Магистр Хольт, а сколько их будет?

— По прошлым двум годам — около сотни в год.

— То есть сто животных в год.

— Сто животных в год, — подтвердил он.

* * *

Я встал и подошёл к окну.

Двенадцать золотых в квартал на корма — это, по моим ценам, полтора десятка голов среднего размера. Не сотня.

Мест у меня было шесть дворов, из которых свободен один, и карантинный двор на четыре клетки.

Работников — восемь и кухарка.

— Магистр Хольт, я не смогу.

— Я это знаю, — отозвался он.

— Тогда зачем везёте предписание?

Марек Хольт закрыл книжечку.

— Барон, я его не вёз, — уточнил он. — Я его написал.

* * *

Он объяснял двадцать минут, и объяснение было честное и неприятное.

Первое. Он с марта в отделе действующих переходов, как и хотел, и ведёт три из шести.

Второе. В феврале он посетил казённую псарню.

Он не стал описывать, что там увидел, и я его не просил.

Он сказал одно: «Барон, там держат в собачьих клетках то, что не собаки, и кормят собачьим кормом».

Третье. Он подал докладную и получил ответ, что для устройства приёмного двора нужно место, устав, люди и записи, и что ничего этого у службы нет.

Четвёртое.

— И тогда я написал, что всё это есть у вас, — доложил Марек. — Барон, я вас не спросил. Я знаю.

* * *

Я сидел напротив и не знал, что чувствую.

— Магистр Хольт, вы понимаете, что вы со мной сделали?

— Понимаю, — подтвердил он. — Барон, я на вас взвалил сто зверей в год за двенадцать золотых в квартал. Это неподъёмно.

— И всё-таки написали.

— И всё же написал, — согласился он. — Потому что альтернатива — казённая псарня, и я её видел, а вы нет.

Он поднялся.

— И вот что, барон. Я не прошу вас соглашаться. Предписание можно оспорить в течение месяца, и я вам скажу как: сослаться на отсутствие помещений и потребовать освидетельствования. Освидетельствование покажет, что вы правы, и с вас снимут.

— И куда их тогда денут?

— На псарню, — отозвался Марек Хольт.

* * *

Вечером я собрал всех.

Читал предписание вслух, как читал всё за последние два года, и на четвёртой строке Мавра меня остановила.

— Мальчик мой, повтори про деньги.

— Двенадцать золотых в квартал.

— А на сколько голов?

— На сотню в год.

Она посчитала — она к тому времени считала не хуже меня, потому что я третий год читал ей расчёты.

— Мальчик мой, это по золотому на восемь голов, — определила Мавра. — У нас одна коза столько съедает.

— Я это посчитал.

— Так ты им и скажи.

— Мавра, я им уже сказал. Магистр Хольт со мной согласен.

Она посмотрела на меня.

— Так а чего ты нас собрал? - спросила домоуправительница и я начал объяснять.

Что могу отказаться и это законно. Что тогда зверей повезут на казённую псарню. Что на псарне за два года из двухсот дожило сорок одно.

И что решать не мне одному, потому что работать будут они.

Первым высказался Гуш.

— Сколько дворов вам надо?

— Не знаю, — признал я. — Гуш, я не знаю, кого привезут. Могут привезти пятерых с ладонь, а могут одного с телегу.

— Тогда надо разные дворы, — определил он.

— Гуш, ты понимаешь, что это не двор, а десять?

— Понимаю, — не принял он. — Я и говорю: разные.

* * *

Бернат высказался вторым и высказался про деньги.

— Барон, я вам скажу как строитель. Двор на десять клеток разного размера, с крышей и с водой, — это восемьдесят золотых и три месяца.

— У меня сорок золотых единовременно.

— У вас сорок от службы, — уточнил он. — А у вас ещё пошлина, посетители, поставка и жалованье держателя. Барон, вы сколько за прошлый год чистыми взяли?

Я посмотрел в книгу.

— Двести девяносто один.

— Ну вот, — отозвался Бернат. — Значит, можете.

— Бернат, эти двести девяносто один у меня расписаны.

— На что расписаны?

— На ограду, на четвёртый двор, на крышу дома, на жалованье с прибавкой, — перечислил я.

— Значит, не всё сразу, — не принял он. — Барон, я вам построю за год, а не за три месяца. Зато сам, без наёмных, и обойдётся в сорок.

* * *

Пим и Илмет высказались вместе и высказались так, что стало ясно: они это обсуждали до собрания.

— Господин Тобиас, у нас есть предложение.

— Излагайте ваше предложение.

— Мы не сможем принять сто в год, — начал Пим. — Мы это посчитали. Даже если Бернат построит двор, у нас не хватит рук.

— Хорошо, дальше.

— А если принимать не всех? — договорил Илмет.

Я отложил перо.

— Поясни свою мысль.

— Господин, в предписании написано «приём», — уточнил он. — А не написано, сколько.

* * *

Мы просидели над этим полночи и вышли на то, что потом стало нашим главным правилом.

Урочище принимает не всех.

Урочище принимает по своей описи возможностей, которую само же составляет и обновляет ежеквартально, и служба эту опись получает.

Проще говоря: я пишу, что могу взять шесть голов до пуда и две до десяти пудов, и всё, что сверх, — не мой отказ, а моя вместимость.

— Илария, а это пройдёт?

Она приехала к ночи, специально, потому что Пим за ней послал.

— Пройдёт, — подтвердила она. — Тобиас, это то же самое, что я делаю в лечебнице третий год. Я не отказываю. Я говорю: сегодня приму шестерых, седьмой — завтра.

— И что, не обижаются?

— Обижаются, — не приняла она. — И приходят завтра.

* * *

Ответ службе я писал четыре дня.

Он вышел на шести листах, и первый лист был единственным, который читали.

Держатель принимает предписание.

Держатель уведомляет о вместимости, каковая на сегодня составляет: шесть голов весом до пуда, две — до десяти пудов, ноль — свыше.

Держатель уведомляет о сроках расширения: к весне следующего года — до двадцати голов до пуда и шести до десяти пудов, при условии, что выделенные средства расходуются на корма, а строительство ведётся за счёт держателя.

Держатель просит уведомлять о каждой партии за четырнадцать дней до отправки, с указанием числа, веса и, по возможности, вида.

Вот на последнем пункте Марек, приехавший через две недели, задержался дольше всего.

— Барон, «по возможности вида» — это как?

— Магистр Холт, я понимаю, что вида они не знают.

— Разумеется, не знают, — подтвердил он. — Барон, в описях изъятого пишут «зверь неизвестный, бурый, размером с барана».

— Вот пусть так и пишут, — отозвался я. — «Бурый, с барана» — это уже сведения. Я по этому хотя бы клетку подберу.

* * *

Двор Бернат начал в конце мая и начал с того, что три дня ничего не строил.

Он ходил по Урочищу и мерил.

— Барон, я вам сперва скажу, чего у вас нет.

— Говорите, чего у меня нет.

— У вас нет воды в четвёртом дворе, — доложил он. — И в пятом нет. Вы туда носите вёдрами, потому что зверья там мало.

— Бернат, у меня акведук.

— У вас акведук до третьего двора, — не принял он. — Дальше он развалился при вашем деде, и вы за четыре года до него не дошли.

Я это знал и четыре года откладывал.

— И что вы предлагаете?

— Чинить акведук, — отозвался Бернат. — Барон, вы мне велите строить приёмный двор. А я вам говорю: приёмный двор без воды — это яма, куда мы будем таскать вёдра. Я

его построю, а через год вы меня спросите, почему у вас двое работников только и делают, что носят.

* * *

Акведук чинили всё лето.

Восемьсот шагов деревянного лотка на подпорках, из которых уцелело триста, и водозабор у ручья, который надо было переделывать целиком, потому что ручей за сорок лет ушёл в сторону на пятнадцать шагов.

Работали вчетвером: Бернат, Гуш, двое подённых.

Пим и Илмет ходили считать уклон, и это оказалось делом, которого никто из нас не умел.

Уклон нужен был ровный: три пальца на сто шагов. Больше — вода пойдёт бурно и выбьёт лоток. Меньше — встанет и зацветёт.

— Господин Тобиас, а как мы его вымерим на восемьсот шагов?

Я думал два дня и придумал то, что в моём прежнем мире знает любой строитель, а тут, как выяснилось, не знал никто.

Водяной уровень.

Две стеклянные трубки, соединённые кожаным шлангом, вода внутри. Где вода в одной трубке — там же она и в другой, как бы ни шёл рельеф.

Трубки выдул нам стекольщик в Вельне за два золотых и, выдувая, три раза спросил, зачем.

Я объяснил.

Он послушал, подумал и сделал четыре штуки вместо двух, и с двух денег не взял.

— Барон, я себе оставляю.

— Мастер, вам-то зачем?

— А я печи ставлю, — отозвался он. — Мне под печь ровно надо, и я его тридцать лет на глаз бью.

* * *

К августу вода дошла до пятого двора.

Первый раз за сорок один год, и по этому поводу Мавра сделала то, чего не делала никогда: пришла смотреть.

Постояла у желоба, посмотрела, как течёт, и высказалась.

— Ну надо же, потекла.

— Мавра, ты сорок восемь лет тут живёшь.

— Сорок девять, — поправила она. — И сорок один год тут воды не было. Мальчик мой, я в молодости отсюда вёдрами носила.

Она потрогала струю.

— Холодная, — определила Мавра. — Хорошая вода.

И ушла.

А вечером я обнаружил, что она перенесла к пятому двору корыто для стирки, которое сорок лет стояло у колодца.

* * *

Опись возможностей я составлял вместе с Гушем, и это заняло шесть вечеров.

Идея была моя, а работа — его, потому что вместимость двора считается не в головах, а в том, сколько зверь занимает, сколько ест и сколько после него убирать.

Гуш это знал руками.

Первое, что он сделал, — забраковал мой способ.

Я считал по весу: до пуда, до десяти пудов.

— Господин, вес неверно.

— Гуш, а как верно?

— По шагам, — доложил он. — Зверь ходит или не ходит. Который не ходит — тому клетка. Который ходит — тому двор.

— И как это считать?

— Сколько шагов он делает, пока не повернёт, — уточнил Гуш. — Хорёк три. Лиса восемь. Пеплогрив четыре, но он большой.

Второе. Он разделил всё на четыре разряда, и разряды эти мы потом два года не меняли.

Разряд первый. Не ходит, сидит или лежит. Клетка в два шага. Убирать раз в сутки.

Разряд второй. Ходит до пяти шагов. Загон в десять. Убирать дважды.

Разряд третий. Ходит больше пяти. Двор от тридцати шагов.

Разряд четвёртый. Роем, лазает или летает.

Вот четвёртый он записал отдельно и сказал про него одно.

— Господин, этих мы не возьмём.

— А почему не возьмём?

— Потому что для них надо не двор, — отозвался Гуш. — Для них надо весь двор сверху и снизу. Мы такого не строили.

Я записал в опись возможностей: «Разряд четвёртый — не принимаем до особого уведомления».

И через полтора года пожалел.

* * *

Первую партию привезли двадцать первого июня.

Уведомили, как я и просил, за четырнадцать дней, и в уведомлении стояло: «четыре головы, вес общий около двух пудов, вид не установлен, изъяты у балаганщика в Кальтене».

Приехали на одной телеге, вчетвером, и старшим был человек из таможенной части, который всю дорогу, как выяснилось, вёз их и всю дорогу не знал, чем кормить.

Клетки были деревянные, ящичные, без поилок.

Я открыл первую и минуты две не мог понять, на что смотрю.

* * *

Их было четверо, и они были живые.

Размером с крупную кошку каждый. Тело вытянутое, как у хорька, но лап шесть — три пары, и задняя пара короче и явно нерабочая.

Шерсть короткая, серо-голубая, с металлическим отливом.

Морда тупая, глаза маленькие, а над глазами — две складки кожи, которые открывались и закрывались отдельно от век.

И они были в очень плохом состоянии.

— Илария, посмотрите на них.

— Вижу, — отозвалась она, уже открывая сундук. — Тобиас, обезвоживание. Тяжёлое. Сколько их везли?

— Девять дней в дороге.

— Их в дороге поили?

Я обернулся к таможенному.

Он смотрел в землю.

* * *

Первые сутки мы не спали.

Отпаивали через рожок — тем самым способом, которому Илария научила двух женщин в кочевье три года назад и который с тех пор знали у нас все.

Поили каждый час.

К утру двое пили сами.

Третий умер около четырёх, и умер он на руках у Илмета, который его держал, и он не сказал ни слова, а через час пришёл ко мне и спросил, как записать.

— Илмет, запиши как есть.

— Господин, я не знаю, от чего он умер.

— Тогда так и запиши, — отозвался я. — «Умер около четырёх утра. Причина не установлена. Состояние при поступлении — тяжёлое обезвоживание, девять суток без воды».

Он записал.

И приписал ниже, своей рукой, то, чего я ему не говорил:

«Держал Илмет».

* * *

Четвёртый выжил.

К третьему дню все трое пили сами, к пятому начали есть, и вот тут началось то, ради чего, как я теперь понимаю, всё и затевалось.

Мы не знали, чем их кормить.

Балаганщик, у которого их изъяли, кормил хлебом в молоке — это было записано в описи, и это, судя по состоянию зубов, длилось не первый месяц.

Зубы были не для хлеба.

Я осмотрел пасть у самого спокойного и записал: резцы отсутствуют, клыки развиты, коренные бугорчатые, с острыми гранями.

— Илария, что скажете?

— Скажу, что он всеядный с уклоном, — отозвалась она. — Тобиас, такие зубы у барсука. И у кабана. И у медведя.

— То есть он ест всё подряд.

— То есть ест всё, но что-то предпочитает, — уточнила она. — И вот это нам придётся выяснять самим.

* * *

Выясняли восемь дней, и способ придумал Пим.

Он предложил не гадать, а спросить у них.

— Господин Тобиас, давайте им положим всего понемногу и посмотрим, что возьмут первым.

— Пим, это называется кафетерийный опыт.

— Как-как называется?

— Неважно, — свернул я. — Правильно предлагаешь. Только тут есть подвох.

— А в чём подвох?

— Голодный зверь ест первое, что видит, — уточнил я. — Надо сперва накормить досыта, а потом выкладывать.

Мы делали это восемь дней, дважды в сутки, по девять видов корма за раз, и Пим вёл таблицу.

Результат вышел неожиданный.

Мясо брали, но не первым.

Рыбу не брали вовсе.

Зерно и хлеб не брали, что было не удивительно.

Корнеплоды брали охотно.

А первым и всегда — то, чего я не ожидал.

Насекомых.

* * *

Личинок им принёс Гуш, из навозного бурта, горсть на пробу, и они съели горсть за минуту и потом три часа искали в кормушке ещё.

Мы пересчитали рацион и вышли на такое.

Личинки и черви — основа, по трети фунта на голову в сутки.

Корнеплоды — вторым.

Мясо — раз в три дня, немного.

Насекомых у нас было ровно столько, сколько давал навозный бурт, и это оказалось меньше, чем нужно троим.

— Барон, а если бурт удвоить?

— Бернат, у нас навоза не хватит.

— Так у нас теперь два выючных зверя, — не принял он. — Барон, они за неделю дают столько, что я не знаю, куда девать.

Второй бурт он заложил в июле, и к августу он давал вдвое больше червей и личинок, чем требовалось.

* * *

Кто это такие, мы так и не выяснили за лето.

Ни один из справочников Дербена, ни один из моих собственных, ни расспросы Кеши — ничего.

Дракон, посмотрев на них, сказал только одно.

Реннел, они не с той стороны.

— В каком смысле не с той?

Не из Восьмого предела, — уточнил Ксаверий Аргентум Третий. — *Реннел, я там был дважды и того, что там водится, представляю. Эutih там нет.*

— Значит, с другого перехода.

Значит, с одного из пяти остальных, — согласился он. — *И, Реннел, вот тут я хочу, чтобы ты подумал о том, что через два года у тебя тут будет зверьё из шести разных миров.*

— Я об этом думаю с июня.

Думай усерднее, — распорядился дракон. — *Потому что если ты чему и научился в позапрошлом году в степи, так это тому, что бывает, когда сводят вместе то, что не сводилось.*

* * *

Про содержание надо сказать отдельно, потому что тут мы за лето сделали четыре ошибки, и все четыре я записал.

Первая. Поставили их втроём в одну клетку.

Продержались они так девять дней, а на десятый самый крупный загнал двух других в угол и не выпускал.

Рассадили в тот же час.

Записал: «Вид, вероятно, одиночный либо парный. Втроём не держать».

Вторая. Настелили соломы.

Они её съели.

Не всю — но три дня подряд грызли, и на четвёртый у двоих пошёл понос, и Илария двое суток их выхаживала.

Заменяли песком и корой.

Третья. Поставили поилку на пол.

Они в неё лезли, мочились и переворачивали.

Подвесили на высоте груди — и всё прекратилось, и вот это, как выяснилось, было для них естественно: в природе они, судя по всему, пьют не с земли.

Четвёртая была моя личная и худшая.

Я их "прощупал".

* * *

Сделал я это на одиннадцатый день, когда самый мелкий перестал есть, и сделал это неподумав.

За четыре года я "открывался" к десяткам зверей и привык, что чувствую жар, боль, голод, страх — то, что понятно.

Тут было другое.

Я услышал ровное, спокойное и очень странное. Будто бы это было не одно существо, а сразу несколько.

Три, если быть точным, и я слышал всех троих сразу.

Не по отдельности — вместе, как слышишь хор, а не голоса по отдельности.

Я убрал руки через минуту и сел на пол, и кровь пошла так, как не шла с первого года.

* * *

Илария нашла меня там же через четверть часа.

— Тобиас, сколько вы держали?

— Минуту, может, чуть больше.

— И что вы слышали?

Я рассказал.

Она слушала, не перебивая, потом села рядом на пол, прямо в песок.

— Тобиас, у меня к вам просьба, и вы её не выполните.

— Говорите вашу просьбу.

— Больше к ним не открывайтесь, — распорядилась Илария.

— Илария, это моя работа.

— Это ваш дар, а не работа, — не приняла она. — Тобиас, вы четыре года открываетесь к одному зверю за раз. А тут вы слышали троих сразу и вас положило на пол.

Она посмотрела на меня.

— А если их будет двадцать?

* * *

Я не ответил ей тогда и не ответил до сих пор.

Но записал в свод отдельным пунктом, потому что понял, что это надо записать раньше, чем я это забуду или объясню себе иначе.

«Открытие к шестилапам: слышится не одно живое, а три одновременно, слитно.

Предположение: вид держит связь между особями, и дар слышит эту связь, а не отдельное животное.

Проверять на четверых и более не буду.

Причина: не знаю, чем это кончится, и не хочу выяснять на себе при восьми людях, которые от меня зависят».

Кеша, прочитав, впервые за четыре года ничего не съязвил.

Правильно записал, — отозвался он. — Реннел, я сто десять лет смотрел, как Реннелы выясняют на себе. Ты первый, кто написал «не буду».

* * *

Название им дал Пим, и дал он его случайно.

Он их с первого дня звал шестилапами, потому что как-то же надо было звать, и к августу так их звали все, включая приехавшего с проверкой Марека.

В заявлении, которое я подал в палату в сентябре, я написал это слово.

Оно и осталось.

Шестилап балаганный — потому что происхождение неизвестно, а известно только то, что их держали в балагане.

Крич, читая заявление, на этом названии остановился.

— Барон, «балаганный» — это ведь не про зверя.

— Совершенно не про зверя, — согласился я.

— А про кого же тогда?

— Про нас, — отозвался я. — Магистр Крич, через сто лет кто-нибудь прочтёт это название и спросит, почему оно такое. И ему объяснят, что первых трёх нашли в ящике у балаганщика и что четвёртый умер по дороге.

Крич помолчал.

— Барон, вы понимаете, что делаете это нарочно?

— Прекрасно понимаю.

— Тогда пишите, — распорядился магистр Виллем Крич и поставил свою визу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.